

В текущем году сотни российских школ вновь подписались на наш журнал. «Родина» давно стала дополнительным и незаменимым учебным пособием для учителей истории и литературы. Мы продолжаем публикации рубрики «Открытый урок», где даем слово лучшим российским педагогам и мыслителям прошлого и настоящего.

Неожиданный взгляд первого наркома просвещения Анатолия Луначарского на проблемы воспитания советских детей и преподавание истории в школе, надеемся, заинтересует преподавателей.

НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ АНАТОЛИЙ ЛУНАЧАРСКИЙ ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

НИКАКАЯ ШКОЛА ПРИВИТЬ НЕ МОЖЕТ

МНОГИЕ ТЕЗИСЫ ИЗ ЛЕКЦИИ ПЛАМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА,
ПРОЧИТАННОЙ В 1918 ГОДУ, ПО СЕЙ ДЕНЬ НЕ ПОТЕРЯЛИ АКТУАЛЬНОСТИ

П

Приближается столетний юбилей СССР — первого в

мире социалистического государства, построенного на обломках огромной империи. Среди руин, нищеты, голода и эпидемий военного лихолетья нужно было вырастить и воспитать человека нового мира. Эта задача легла на плечи первого наркома просвещения Анатолия Владимировича Луначарского (1875—1933).

Известный юрист и сенатор А. Ф. Кони, переживший четыре царствования и повидавший не меньше десятка министров просвещения, оценивал Анатолия Владимировича Луначарского как лучшего из них. Блестящий эрудит и непревзойденный оратор, он сумел добиться главного — привлечь на сторону большевиков старую интеллигенцию и, в частности, учительство, в массе своей поначалу настроенное враждебно.

В сентябре 1918 года, обращаясь к учителям, Луначарский поднял важнейший, с его точки зрения, вопрос: как преподавать историю? В пламенной речи нарком камня на камне не оставил от дореволюционной традиции, представлявшей собой будто бы бездумное заучивание фактов, с одной стороны, и грубую манипуляцию — с другой.

Эта лекция, изданная вскоре отдельной брошюрой, послужила началом изгнания «классово чуждой» национальной истории из новой — единой трудовой школы. Стараниями замнаркома историка-марксиста М.Н. Покров-

ского вплоть до 1934 года детям давали лишь отрывочные и весьма специфические исторические знания под соусом классовой борьбы в рамках курса «обществоведения».

В революционном порыве вместе с водой выплеснули ребенка...

На самом деле, размышляя «О преподавании истории в коммунистической школе», Луначарский поднимал важные и не теряющие актуальности вопросы ответственности историка перед будущим. Особенно злободневно сегодня звучат его мысли об опасности заигрывания с национальной историей и мифологизации прошлого в угоду настоящему¹.

Текст лекции публикуется в сокращении, подзаголовки расставлены редакцией.

Не обременять память мертвыми цифрами

Если вы возьмете обычную хронологию и увидите то количество битв, происходивших в разных местах между разными народами, которые надо запомнить ученику, вы скажете: «Для чего, при какой надобности, при каком жизненном случае понадобится цифрами на память определять, когда имели место разного рода боины во все века?» Но этого требовали на экзаменах. В эту хронологию вкладывался чрезвычайно сухой перечень событий мировой истории, под которой нужно разуть исключительно внешнюю историю, перемежающуюся с анекдотами о великих людях, главным образом с коронами на головах.

Это было, действительно, мертвое обременение памяти. Думали, что достигают развития человеческой памяти, а на самом деле загромождали ее, так как память должна развиваться в том направлении, чтобы путем свободной ассоциации идей в каждый данный момент, взявши какой-нибудь исходный пункт, можно было бы мобилизовать все свои познания. В формальном и мерт-

В ФОРМАЛЬНОМ И МЕРТВОМ ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ БЫЛА ЯВНА ТЕНДЕНЦИЯ ЗАМЕРТВИТЬ МОЗГ, ПРЕВРАТИТЬ ЕГО ИЗ ЖИВОГО КРИТИКУЮЩЕГО СУЩЕСТВА В МЕРТВЫЙ АППАРАТ

вом преподавании истории была явна эта тенденция замертвить мозг, превратить его из живого критикующего существа в мертвый аппарат.

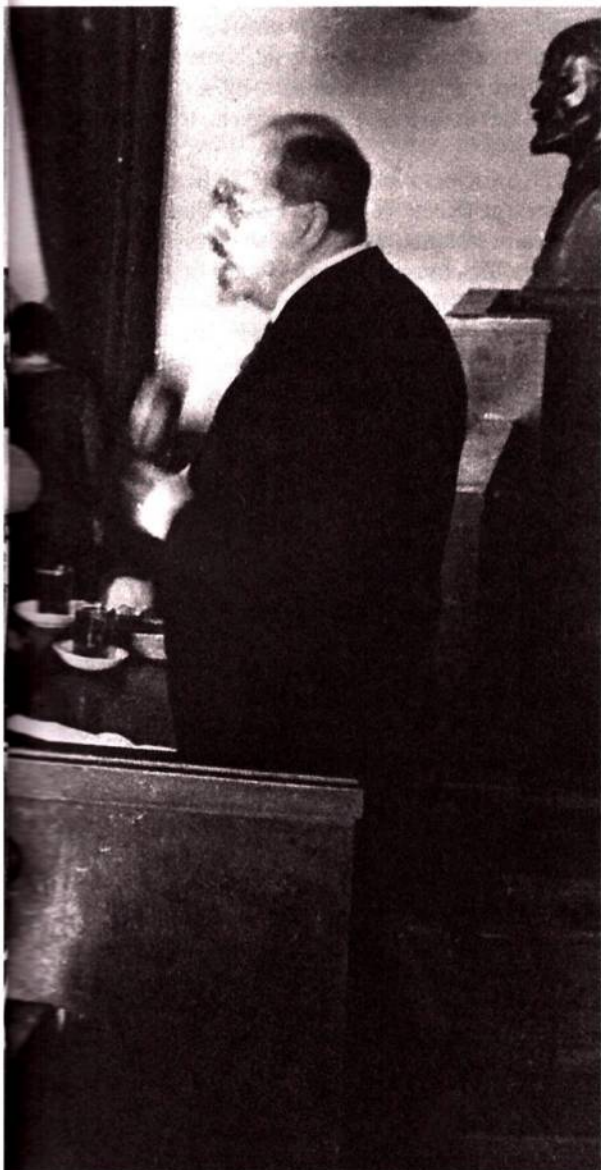
Искать закономерности в реке фактов

Сама по себе история есть ряд конкретных фактов, и каждый отдельный факт истории случается только один раз. Но в этой текущей реке фактов есть закономерность. Сопоставляя между собою эти факты, можно вывести законы исторических явлений. Правда, здесь нельзя делать опытов, правда, здесь факты неповторимы с почти полной точностью, как, например, можно повторить химический процесс, но тем не менее огромное количество фактов позволяет, сопоставляя их, делать известные умозаключения...

Ни одно явление не может считаться изученным, если оно не рассмотрено в генезисе и эволюции. Мы живем в большом лесу фактов, и нам нужно знать относительно каждого дерева, относительно каждого растения, как оно зародилось и развилось. Среди них есть молодые деревца, есть очень старые, и каждое должно быть ретроспективно исследовано.

¹ Нарком просвещения Анатолий Луначарский выступает перед писателями Москвы.

² Афиша с объявлением о лекции А.В. Луначарского «В царстве социализма». 11 ноября 1917 года.

Только тогда, когда мы знаем происхождение и развитие каждого такого социального растения, мы знаем его в сущности.

Воспитывать человека, которому ничто человеческое не чуждо

Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине. Что это значит? Поскольку дитя говорит на своем родном языке, оно к нему привыкает и его любит. Но значит ли это, что оно должно утверждать, будто русский язык самый лучший, а французский и немецкий никуда не годятся? Бросается в глаза нелепость такой постановки вопроса.

Самая здоровая любовь к родине заключается в том, что ее никакая школа привить не может. Если я родился в известной обстановке, то у меня есть привычка к этой хотя бы скудной природе с чахлыми березками, я буду невольно предпочитать ее всей роскоши юга, я буду ее любить, и для

этого не нужно, чтобы мне прививали эту любовь. Мне не нужно вдавливать, что я должен любить свои родные пейзажи. Это глупость, это все равно, что учить блондина быть блондином...

Воспитывать нужно человека, которому ничто человеческое не было бы чуждо, для которого каждый человек, к какой бы он нации ни принадлежал, есть брат, который абсолютно одинаково любит каждую сажень нашего общего земного шара и который, когда у него есть пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе, понимает, что это — иррациональное пристрастие, с которым, быть может, не надо бороться, если в нем нет ограниченности, но которое отнюдь не нужно воспитывать.

Это воспитание было необходимо только там, где русского солдата надо было бросить на германского или иного какого-нибудь солдата. Там нужно учить, что все остальные солдаты басурмане, что все остальные неверные, все остальные «немцы». На этой культурной стадии надо воспитывать враждебное чувство по отношению к другим и преувеличенную преданность к своему; национальное воспитание тесным образом связано с милитаризмом... Только благодаря «национальной школе», проклятой национальной школе в Германии, где немцы искуснее всех поставили свое преподавание «патриотизма» — только потому возможна стала мировая бойня.

Не подтасовывать факты в «воспитательных целях»

Если вы возьмете учебники всех стран, то вы скажете, что история там не научная, всякий историк подтвердит, что это маргариновая история. Но нам возразят, пожалуй: да, она изменена в «воспитательных целях» для того, чтобы развивать «патриотизм» и дать примеры исторической «доблести»...

Я думаю, что такое этическое использование истории всегда и при всяких условиях возможно, но вряд ли может быть в какой-нибудь мере задачей школы. Школа — это учреждение научное. Она ни в коем случае не может и не должна подчинять свое преподавание каким-нибудь частным целям, выбирать, например, из всего моря исторических фактов одни и замалчивать другие, чтобы таким образом на известного рода обмане построить свое воспитание. Поэтому как неправильно, когда учителя-монархисты собирают все, что говорит во славу королей и против республиканского режима, так неправильно, когда республиканец собирает все, что может представить королей чудовищами, и старается выдвинуть все, что говорит за республиканский режим. И в том, и в другом случае нет преподавания истории, есть только стремление насиловать волю и естественное развитие интеллекта подростка или ребенка, пользуясь его невежеством и пред-

° 3, 4
«Мы должны требовать от преподающего известной художественности...»

° 5
Н. Андреев. Портрет Анатолия Васильевича Луначарского. 1921 год.

ставляя перед ними факты в одностороннем освещении. Поэтому такого рода «этическая» задача истории также должна быть отброшена.

Не смешивать людские страсти и закономерные процессы

Историк, как и всякий человек, находится в зависимости от того, к чему он привык. Он подходит к фактам невольно и неизбежно с точки зрения тех предпосылок, которые у него в быту создаются. Если это историк-интеллектуалист, человек математического склада мышления, то с его точки зрения окажется, что мышление руководит всем...

Другие историки, которые отдались истории со страстью, которые были большими или малыми Шекспирами истории, увлекались борьбой страстей блестящих личностей, которые в этой драме играют роль. Ведь всякая драма стремится не к чему другому, как дать оживленное театральное отражение кусочка жизни. Такой историк-драматург старается инсценировать, как бы заставить ожить эти мумии прошлого, его интересует борьба страстей, борьба честолюбий и т. д., и он начинает рассматривать историю как результат борьбы человеческих чувствований и желаний.

Между тем реальная жизнь строится не для художественного эффекта; конечно, страсти играют свою роль, но основа истории строится не так, и социолог², который стремится схватить прежде всего массовые законы, должен искать их в чем-то действительно массовом, где доминировало бы не личное, а что-то подлинно захватывающее миллионы и потому независимо от воли каждой отдельной личности создающее новые и новые формации.

Разворачивать историю во всей ее мучительной борьбе

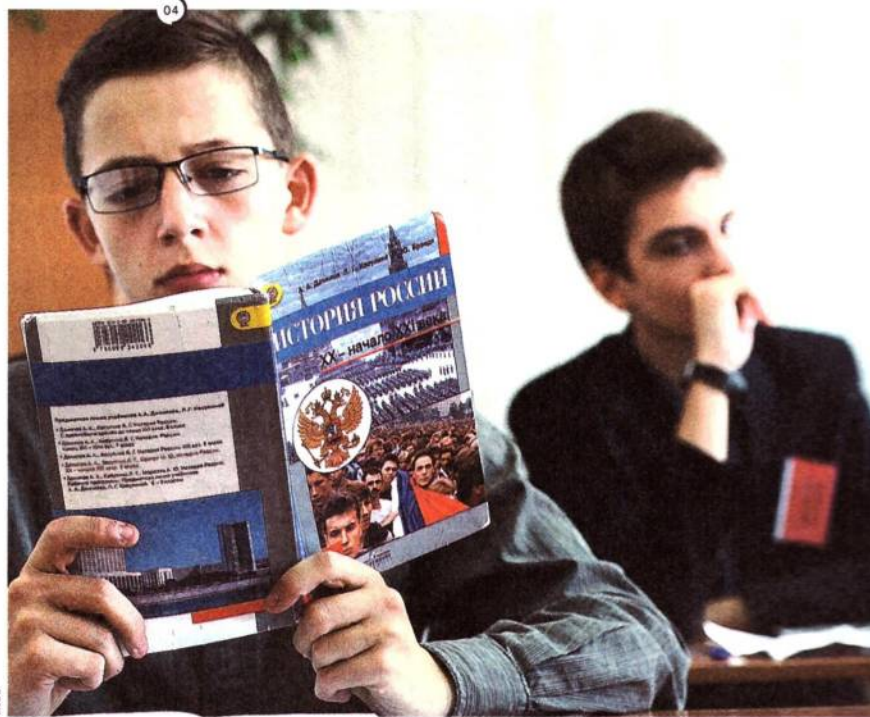
Новым моральным самосознанием человека является представление о себе как о части некоторого вечного целого. История должна именно эти чувства развивать, или, вернее, эти чувства захватить и осветить в душе ребенка. Подросток должен знать, что человек смертен, что человек преходящ. Неважно, несущественно собирать сокровища на этом свете для самого себя, чтобы сказать: много у меня добра, ешь, пей и веселись, душа, и чтобы потом в отчаянии увидеть перед собою костяное лицо смерти. С этой точки зрения безотрадность полная. Бессмертия наука дать не может, она либо ставит знак вопроса, либо более честно отвечает: «Нет!» Поэтому если бы человек чувствовал себя только личностью, то был бы действительно жертвой безотрадности.

Совсем другое дело, когда вы разворачиваете историю во всей ее мучительной борьбе и в целом ряде эпизодов этой строительной борьбы человечества раскрываете внутренний смысл этого процесса, который есть процесс борьбы за человеческое совершенство, который есть процесс борьбы за богатство человеческого рода, за развитие всех заложенных в человеке способностей... Вот это есть настоящее историческое самосознание, это есть новый этап, это есть то, в чем новый человек ищет и находит бессмертие. Мы будем воспитывать в человеке исторические горизонты. Таким должно быть преподавание истории и воспитание через историю.

Мы должны требовать от преподающего чрезвычайно серьезной научной подготовки. Мы должны требовать от него также известной художественности, известного умения дать картины истории так, чтобы они нашли отклик в сердце ученика. Вот почему историческое развитие и разума, и сердца является первоначальной основой самовоспитания педагога. Педагог не может не знать истории, педагог обязан знать, что такое человеческий род, и обязан его любить, иначе он не может привить эту любовь маленьким существам.

МНЕ НЕ НУЖНО ВДАЛБЛИВАТЬ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ СВОИ РОДНЫЕ ПЕЙЗАЖИ. ЭТО ГЛУПОСТЬ, ЭТО ВСЕ РАВНО, ЧТО УЧИТЬ БЛОНДИНА БЫТЬ БЛОНДИНОМ...

1 Луначарский А. В. «О преподавании истории в коммунистической школе». Пг. 1918.

2 Луначарский мыслил социологию как науку «о нормальном развитии общества» и в этом смысле противопоставлял социолога историку.